УДК 069:004.773.5 + 94:069(470) + 94:069(430) + 910.1:159.953

Дарья Анатольевна Бутейко

Томский государственный университет, Томск, Россия
Берлинский университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия

E-mail: buteikod@cms.hu-berlin.de

Виртуальные мемориалы: опыт трансформации российских и немецких мемориальных музеев в онлайн-формат

В статье представлены проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются мемориальные и музейные пространства, расширяясь в онлайн-формат. Заявленная тема рассматривается во взаимосвязи с методом картографирования памяти, механизмами производства знаний и концептом аутентичности на конкретных примерах мемориальных музеев в России и Германии — Музея истории ГУЛАГа, Музея Победы, Мемориала Берлинской стены, Мемориала жертвам Холокоста и др.

Ключевые слова: виртуальные мемориалы, виртуальные музеи, аутентичность, картографирование памяти, виртуальные экскурсии

Благодарности: Подготовлено при поддержке РНФ, грант № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиарепрезентации».

Для цитирования: Бутейко Д. А. Виртуальные мемориалы: опыт трансформации российских и немецких мемориальных музеев в онлайн-формат // Tempus et Memoria. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 82–88.

Поступила в редакцию: 31.08.2020
Принята к печати: 30.10.2020

Dar'ya A. Buteiko

Tomsk State University, Tomsk, Russia
Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany

Virtual Memorials: Experience of Transforming Russian and German Memorial Museums into Online Formats

This article will address the problems and challenges faced by memorial and museum spaces expanding online. We will discuss the proposed subject in relation to the method of memory-mapping, mechanisms of knowledge production and the concept of authenticity on the specific examples of memorial museums in Russia and Germany: GULAG History Museum, Victory Museum, Berlin Wall Memorial, Holocaust Memorial etc.

Key words: virtual memorials, virtual museums, authenticity, memory-mapping, virtual tours

© Бутейко Д. А., 2020

For citation: Buteiko, D. A. (2020). Virtual'nye memorialy: opyt transformatsii rossiiskikh i nemetskikh memorial'nykh muzeev v onlain-format [Virtual Memorials: Experience of Transforming Russian and German Memorial Museums into Online Formats]. *Tempus et Memoria*, *1*, 1–2, 82–88.

Submitted: 31.08.2020
Accepted: 30.10.2020

Пандемия Covid-19 и карантинные меры повлекли за собой сдвиг в понимании музейного и мемориального пространства и катализировали его переход в онлайн-формат. Попытки переосмыслить определение музея предпринимались еще до пандемии 2020 г. Критика в адрес традиционного определения, делающего акцент на активной роли музея в «приобретении, хранении, исследовании, популяризации и экспонировании материального и нематериального наследия человечества и его окружения в целях образования, изучения и развлечения» [5], звучала прежде всего с позиции социальной ответственности музейных пространств. В альтернативной формулировке, предложенной годом ранее комиссией Международного совета музеев ИКОМ, созданной по инициативе президента совета Суай Аксой, акценты музейной деятельности были расставлены несколько иначе.

«Музеи — это демократизирующие, инклюзивные и полифонические пространства, созданные для критического осмысления и обсуждения прошлого и будущего. Отвечая на текущие конфликты и вызовы времени, музеи сохраняют для общества эталонные артефакты и предметы искусства, оберегают и передают следующим поколениям историческую память и обеспечивают равные права и равный доступ к культурному наследию для всех людей. <…> Их деятельность основана на принципах партиципации и прозрачности и строится вокруг активного сотрудничества с различными сообществами» [4].

Если до пандемии новое определение было скорее заданным вектором движения, чем реальностью, в (пост)карантинный период, наложивший существенные ограничения на функционирование музейных и мемориальных пространств, все большее значение приобретали именно аспекты, затронутые в предложенном комиссией ИКОМ (Международного совета музеев) определении: способность отвечать на вызовы времени, инклюзивность, полифоничность и социальная роль музея. Так, в условиях изменившейся доступности физических пространств многие музеи и мемориальные места активно искали контакт с посетителями в виртуальном пространстве. Музеи предлагали экскурсионные стримы, расширяли предложения по виртуальным турам, проводили образовательные курсы в онлайн-формате, вели влоги на ютубе и формировали комьюнити на социальных платформах.

В данной статье мы рассмотрим особенности перехода музейного и мемориального пространства в онлайн-формат. Некоторые тенденции данной трансформации становятся различимы на конкретных примерах виртуализации памяти и мемориальных практик в Германии и России.

Картографирование памяти

Согласно французскому историку Пьеру Нора память концентрируется в определенных местах — lieux de memoire [18]. Мемориалы являются символическим центром на карте памяти, собирающим в себе и вокруг себя национальную память и историческую ответственность. В условиях недоступности физических музейных и мемориальных пространств или ограниченности доступа к ним актуальным стал вопрос: смогли бы виртуальные места успешно перенять данную функцию физических мемориалов? Ситуация с проведением знаковых мемориальных церемоний дала ответ скорее отрицательный. Так, ежегодная памятная церемония в мемориале Бухенвальд, посвященная освобождению лагеря от национал-социализма, не состоялась [17]. Московский Парад Победы был перенесен, несмотря на то, что озвучивались предложения проведения парада в виртуальном пространстве с использованием компьютерной графики. Найти равнозначный альтернативный вариант в онлайн-формате оказалось не так просто.

Возможно, причиной возникших сложностей с переформатированием памятных церемоний являлось отсутствие у виртуального мемориального пространства равнозначного символического капитала физического и географического места. Символический капитал, который позволяет мемориальным местам агировать как центр, как точка «сборки» памяти и манифестации ответственности, накапливается годами. Для общества, считывающего в проведении мемориальных церемоний сигнал манифестации исторической ответственности, изменение места церемонии или ее протокола могло бы быть воспринято как сбой, профанация исторической памяти.

Искусствоведы Карол Дункан и Алан Валлач в своей хрестоматийной статье «Музей современного искусства как позднекапиталистический ритуал. Иконографический анализ» [11] заявляют о том, что музеи являются церемониальными памятниками, а музейные практики — ритуалом, имеющим сакральный характер. В дисциплинарных рамках культурной антропологии ритуал может быть определен как действие, основанное на наделении вещей символическими свойствами. Новейший философский словарь отмечает имманентную целенаправленность ритуальных действий, выражающуюся через семантику его языковых обозначений: «священнодействие» и «порядок». Ритуал — это священнодействие, связанное с установлением или поддержанием вселенской и социальной упорядоченности [6]. Бронислав Малиновский и Эмиль Дюркгейм указывают на социальную роль ритуала, который служит средством интеграции и поддержания целостности человеческих коллективов [Там же]. Как устойчивая последовательность действий, ритуал не может подлежать внезапному изменению, а в новом, измененном виде быстро и без конфликта быть валидированным широкой публикой. Поэтому в ближайшем обозримом будущем скорее маловероятным представляется сценарий, в котором виртуальные мемориалы потеснят физические музеи с их центральных позиций на карте памяти и станут центральными lieux de memoire, где кристаллизируется коллективная память.

Российские мемориалы преступлений коммунизма имеют в обозначенном выше контексте определенное преимущество перед мемориалами, посвященными Великой Отечественной войне. Память о репрессиях так и не затвердела в определенном секулярном каноне, а значит, трансформация мемориалов политических репрессий в онлайн-формат не влечет за собой существенное изменение устоявшихся норм коллективных практик памяти. Возможно, отчасти с этим связаны ранние шаги, которые совершили мемориальные музеи политических репрессий в виртуальном пространстве. Так, уже в 2004 г. возникли Виртуальный музей ГУЛАГа, проект НИЦ «Мемориал», к началу 2012 г. на его сайте было представлено более 3000 экспонатов из 113 музеев [1]. В 2016 г. появился чешский Виртуальный музей ГУЛАГ Онлайн [13]. Для сравнения: московский Музей Победы, наиболее активный в виртуальном пространстве среди музеев Великой Отечественной войны, активно стал развивать свое виртуальное выставочное пространство в онлайн-формате только с 2017 г.

Аутентичность

С пониманием значения музейного и мемориального пространства тесно соотносится концепт аутентичности. Вальтер Беньямин, рассуждая об отличительных особенностях оригинала произведения искусства и его репродукции, указывал на «ауру оригинала» [7, *477*]. Согласно немецкому историку искусства Детлефу Хоффманну аутентичность проявляется через эмоции, которые возникают от непосредственной коммуникации с объектами и пространством [15].

Чувство сопричастности, эмоциональной связи с прошлым становится возможным на исторических местах и при взаимодействии с историческими артефактами, будь то двери из бывших лагерей, как в Московском музее истории ГУЛАГа, столовые приборы, которые когда-то принадлежали бывшим узникам, как в Музее бывшего следственного изолятора на Ляйстиковштрассе в Потсдаме, или оплавленные стекла из Брестской крепости в российском Музее Победы. Оцифрованные предметы или места не могут обладать «аурой оригинала» в понимании Беньямина. Возможно, за счет этого они являются менее интересными и привлекательными для посетителей. С другой

стороны, именно в виртуальном пространстве возможна детальная реконструкция исторических событий и мест, которых уже более не существует или добраться до которых затруднительно: многочисленные лагеря ГУЛАГа были расположены на дальнем севере или востоке страны. Виртуальный тур по Музею Победы воссоздает день нападения на Брест во всех деталях: разбитые стекла домов и пожары; солдат, несущий воду для охлаждения орудий [3]. Музей истории ГУЛАГа идет другим путем, создавая виртуальные туры и видео мест бывших лагерей на Чукотке и Колыме. Авторы туров отказываются от реконструкции, на видео запечатлены остатки разрушенных лагерей [2]. Чешский Виртуальный музей ГУЛАГ Онлайн предлагает посещение остатков бывших лагерей, сопровождая туры дополнительной информацией: планами лагерей, картами и текстами [14].

Возможность осмотреть исторические места, пройтись по ним в виртуальной или дополненной реальности способствует тому, что посетитель оказывается способным визуализировать историческое место и пережить определенные эмоции, наделяя таким образом виртуальное пространство свойствами «аутентичного». В конечном итоге восприятие аутентичности, основанной на эмоциях, индивидуально: там, где один реципиент не чувствует связи с объектом, другой считает эту связь очевидной.

Для преобладающей части экспертного сообщества аутентичность рассматривается прежде всего как созданный концепт или нарратив. Согласно Ахиму Саупе [20] объекты или феномены признаются аутентичными, когда история их возникновения или применения бывает рассказана. Предметы без артикулированной истории не маркируются как «аутентичные». Аутентичность, таким образом, является не определенным свойством предмета, изначально ему присущим, а лишь приобретенным, и мы вправе говорить об определенном временном периоде, в котором объект стал «аутентичным».

Аутентичность связывается с сохранением вещей или феноменов в неизменном виде. При этом экспертному сообществу приписываются компетенции отличать аутентичные вещи и феномены от неаутентичных. Социолог Дин Макканнелл в своем исследовании туристической отрасли относит такие практики, как исполнение традиционных танцев или переодевание в исторические костюмы, к «инсценированной аутентичности» [16]. Продукту, который акторы турбизнеса предлагают путешественникам, недостает черт аутентичности уже ввиду особенностей контекста, утверждает Макканнелл. Однако со временем сам процесс реконструкции прошлого для туристов может стать частью культуры и, таким образом, аутентичным. Согласно израильскому социологу Эрику Коэну [10] культуры не являются твердыми, закостенелыми конструктами, поэтому изменения в культуре влекут за собой также изменение концепта аутентичности. Возможно, туру по виртуальному мемориалу также будет приписана оригинальность и аутентичность в один день, а у оцифрованных пространств возникнет такая же сакральная аура и сообщество почитателей, как это мы уже наблюдаем в сфере видеоигр.

Эффект присутствия

У физического музея кроме сохранения материальных артефактов и их репрезентации существуют также другие функции и дидактические методы, которые сложно перенести в онлайн-формат. Прежде всего это касается способности музея собирать посетителей в одном пространстве и создавать ощущение общности. Взаимное наблюдение посетителей музея как важный метод музейной дидактики и способ влияния музея на своих посетителей исследовал в своей монографии «Рождение музея: история, теория, политика» австралийский социолог Тони Беннетт. В частности, Беннетт отмечает: «В музеях, которые были построены на заказ для выполнения новой общественной функции, снова и снова повторяется один и тот же архитектурный принцип. Взаимосвязь пространства и зрения организована не только для того, чтобы обеспечить беспрепятственный осмотр экспонируемых объектов, но и для того, чтобы посетители могли быть объектами взаимного осмотра друг друга» [8, *51 f*] (перевод мой. —*Д. Б.*). Нахождение посетителей в музее, осуществляющих практики осмотра, изучения, возможно, интроспективного созерцания,

как бы легитимирует знание, представленное в музее, увеличивает его значение и является манифестацией исторической ответственности.

В виртуальной экскурсии или при самостоятельном осмотре оцифрованного пространства музея посетители, напротив, являются предоставленными самим себе, не имея возможности сопоставить свои реакции с реакцией других посетителей, убедиться в том, что мемориальный музей имеет важное значение, поскольку он полон других посетителей. Участие в групповой экскурсии в физическом музее располагает к тому, чтобы прослушать экскурсию до конца, проявляя уважение к гиду или опасаясь негативной реакции со стороны других участников экскурсионной группы. Подобная групповая мотивация в виртуальном туре отсутствует. Отчасти этим мы можем объяснить тот факт, что посещение виртуальных туров обычно очень ограничено во времени. Так, посетители Виртуального музея ГУЛАГ Онлайн проводят в среднем 3 минуты на сайте, часть людей, сразу же закрывающих сайт, составляет 50 % [12]. Эти данные типичны для онлайн-посещения сайтов. Музеолог Мария Кьяра Чиакери обращает внимание на то, что пользователю онлайн-ресурса сложно удержать внимание более чем на 7–19 минут [9]. Учитывая эти особенности поведения пользователей онлайн, при создании виртуальных музейных экскурсий необходимо чередовать методы подачи и визуальное сопровождение повествования гораздо чаще, чем это принято в традиционных офлайн-турах [Там же]. Некоторые успешные находки в организации и проведении виртуальных экскурсий применил Музей истории ГУЛАГа. Московский музей предлагал своим посетителям экскурсии с гидом в реальном времени на платформах ютуб или зум, например, лайфстрим-экскурсию в Ночь музеев [2]. Особенности этих платформ позволяли видеть других участников и задавать вопросы экскурсоводу через функцию чата. Комментарии, вопросы и споры в чате свидетельствуют о том, что многие участники остались до конца экскурсии.

В затронутом нами контексте взаимного влияния пространства и посетителей интересен казус мемориала Берлинской стены. Берлинский мемориал столкнулся за время эпидемии с проблемой профанации музейного пространства, вызванной его использованием как места для досуга. В немецкой столице, в отличие от российской, весенний карантин не был столь же строг, и жители Берлина располагали возможностью выходить на улицу. Хотя посещение внутренних помещений мемориала было невозможно, но оставались части мемориала под открытым небом. Территория мемориала планировалась изначально как синтез выставочного пространства и рекреационного, символизирующего победу над разделением, победу обжитого городского пространства над зоной смерти. Однако из-за падения числа посетителей музейного пространства, читающих тексты и слушающих аудиогиды, рассматривающих экспонаты или делающих фотографии экспонатов, мемориальное место стало в целом использоваться как парк [19]. Берлинцы, гуляющие на территории мемориала с детьми или выгуливающие собак, сообщали друг другу своими практиками о профанации сакрально-ритуальной роли мемориала, его превращении в обыкновенную городскую среду.

Мемориал Берлинской стены является одним из образцов того, как исторический нарратив считывается посетителями исторического места при помощи языка архитектуры. Другой берлинский мемориал, широко известный своим архитектурным решением, — Памятник жертвам Холокоста. Мемориал представляет собой пространство, заполненное прямоугольными плитами разной высоты. Проход между плитами должен, по замыслу архитекторов, вызывать у посетителей памятника гамму эмоций: тревогу, одиночество, страх — отголоски того опыта, через который прошли миллионы евреев во времена национал-социализма.

Объединяет упомянутые выше берлинские мемориалы невозможность воссоздать в виртуальном пространстве концепцию, разработанную для физических мемориалов. Идеи и эффект, заложенные в архитектурные формы, полностью раскрываются при задействовании опыта посетителей, находящихся в определенном физическом месте: от контакта посетителей с материалом или наблюдения за другими посетителями. И если создатели немецких мемориалов обладают удачным опытом по созданию физических памятников

и мемориальных пространств, способных влиять на посетителей и на эмоциональном уровне распространять знание об определенном историческом событии, творцам виртуальных мемориалов и туров еще только предстоит сформировать рамки осмысления прошлого в цифровом пространстве. Без сомнения, поиск решения поставленной задачи будет идти параллельно с развитием технологий дополненной реальности.

Важная задача музея — сделать посещение долгосрочным, способствовать тому, чтобы посетитель возвращался еще раз мысленно к увиденному и рефлексировал над своим опытом. Решению этой задачи способствуют фотографии посетителей, сувениры, каталоги и книги, которые можно приобрести в сувенирной лавке. Могут ли посетители виртуальных мемориальных пространств зафиксировать свой опыт посещения виртуальных мемориалов и рассказать о нем при помощи визуальных образов и вещей? На этот вопрос также предстоит дать ответ создателям и маркетологам виртуальных мемориалов.

Приведет ли расширение музейного и мемориального пространства в онлайн к расширению аудитории? Без конкретных данных мы можем лишь строить предположения, но если расширение мемориального пространства в онлайн-формат и не приведет в музеи новую аудиторию, то существенно расширит дидактические методы и способы хранения информации, а также, возможно, заставит нас существенно пересмотреть определения музея и мемориала.

Список литературы

1. Международный мемориал. Мемориальные программы / Виртуальный музей ГУЛАГа [Электронный ресурс]. URL: http://old.memo.ru/d/3332.html (дата обращения: 25.10.2020).

2. Музей истории ГУЛАГа: Онлайн-экскурсия в Музее истории ГУЛАГа : Youtube. 20.06.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8sGI1r5Fz14 (дата обращения: 25.10.2020).

3. Музей Победы [Электронный ресурс]. URL: https://victorymuseum.ru/ (дата обращения: 25.10.2020).

4. *Ноче В.* Спор о новом определении музея привел к кризису в ИКОМ // The Art Newspaper Russia. 20.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/8312/ (дата обращения: 25.10.2020).

5. *Петров И.* Музеи теперь не те, что прежде // The Art Newspaper Russia. 09.08.2020 [Электронный ресурс]. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/7192/ (дата обращения: 25.10.2020).

6. *Фуре В. Н.* Ритуал // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. Минск : Книжный Дом, 2001.

7. *Benjamin W.* Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Frankfurt a/Main : Suhrkamp, 1963.

8. *Bennett T.* The Birth of the Museum. History, theory, politics: (Culture: policies and politics). L. : Routledge, 1995.

9. *Ciaccheri M. Ch.* Do Virtual Tours in Museums Meet the Real Needs of the Public? Observations and Tips from a Visitor Studies Perspective. In Museumnext. 01.06.2020 [Electronic resource]. URL: https://www.museumnext.com/article/do-virtual-tours-in-museums-meet-the-real-needs-of-the-public-observations-and-tips-from-a-visitor-studies-perspective/ (mode of access: 25.10.2020).

10. *Cohen E.* Authenticity and Commodification of Tourism // Annals of Tourism Research. 1988. Vol. 15. P. 271–386.

11. *Duncan C., Wallach A.* The Museum of Modern Art as Late Capitalist Ritual: An Iconographic Analysis // Marxist Perspectives. N. Y., 1978. Vol. 1 (4). P. 28–51.

12. Gulag Online Virtual Museum Google Analytics 01.01.2020 — 30.06.2020 [Electronic resource]. (Документ находится в личном архиве автора).

13. Gulag Online Virtual Museum. Gulag Online Virtual Museum Opens Its Gates. 10.06.2016 [Electronic resource]. URL: https://gulag.cz/en/article/gulag-online-virtual-museum-opens-its-gates (mode of access: 25.10.2020).

14. Gulag Online Virtual Museum [Electronic resource]. URL: www.gulag.online (mode of access: 25.10.2020).

15. *Hoffmann D.* Authentische Orte // Gedenkstättenrundbrief. 2002. Vol. 110. P. 3–17.

16. *MacCannell D.* The Tourist. A New Theory of the Leisure Class. Berkeley : University of California Press, 1999.

17. MDR. Befreiung von Buchenwald: Stilles Gedenken in der Krise. 12.04.2020 [Electronic resource]. URL: https://www.mdr.de/thueringen/mitte-west-thueringen/weimar/kz-buchenwald-befreiung-gedenken-mittelbau-dora-100.html (mode of access: 25.10.2020).

18. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. № 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7–24.

19. Mauer-Gedenkstätte leidet unter Corona-Krise. 17.04.2020 [Electronic resource]. URL: https://www.rbb24.de/kultur/thema/2020/coronavirus/beitraege_neu/2020/04/mauer-gedenkstaette-berlin-bernauer-strasse-leidet-corona-krise.html (mode of access: 25.10.2020).

20. *Saupe A.* Authentizität // Docupedia. 25.08.2015 [Electronic resource]. URL: https://docupedia.de/zg/Authentizit%C3%A4t_Version_3.0_Achim_Saupe (mode of access: 25.10.2020).

21. *Wallach A.* The Museum of Modern Art: The Past's Future // Journal of Design History. 1992. № 5 (3). P. 207–215.

References

1. Mezhdunarodnyi Memorial. Memorial'nye programmy / Virtual'nyi muzei GULAGa [International Memorial. Virtual GULAG Museum]. URL: http://old.memo.ru/d/3332.html (mode of access: 25.10.2020).
2. Muzei istorii GULAGa. Onlain Ekskursiya v Muzee Istorii GULAGa [GULAG History Museum. Online Excursion in GULAG History Museum]. Youtube. 20.06.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=8sGI1r5Fz14 (mode of access: 25.10.2020).
3. Muzei Pobedy [The Victory Museum]. URL: https://victorymuseum.ru/ (mode of access: 25.10.2020).
4. Noche, V. (2020). Spor o Novom Opredelenii Muzeya Privel k Krizisu v IKOM [The Controversy over the New Definition of the Museum Has Led to a Crisis at ICOM]. *The Art Newspaper Russia*. 20.08.2020. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/8312/ (mode of access: 25.10.2020).
5. Petrov, I. (2020). Muzei Teper' ne Te, Chto Prezhde [Museums Are Not What They Used to Be]. *The Art Newspaper Russia*. 09.08.2020. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/7192/ (mode of access: 25.10.2020).
6. Fure, V. N. (2001). Ritual [Ritual]. In Gritsanov A. A. *Noveishii Filosofskii Slovar'.* Minsk: Knizhnyi Dom.
7. Benjamin, W. (1963). Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Frankfurt-a/m: Suhrkamp.
8. Bennett, T. (1995). The Birth of the Museum. History, theory, politics (Culture: policies and politics). London: Routledge.
9. Ciaccheri, M. Ch. (2020). Do Virtual Tours in Museums Meet the Real Needs of the Public? Observations and Tips from a Visitor Studies Perspective. In Museumnext. 01.06.2020. URL: https://www.museumnext.com/article/do-virtual-tours-in-museums-meet-the-real-needs-of-the-public-observations-and-tips-from-a-visitor-studies-perspective/ (mode of access: 25.10.2020).
10. Cohen, E. (1988). Authenticity and Commodification of Tourism. *Annals of Tourism Research,* 15, 271–386.
11. Duncan, C., Wallach, A. (1978). The Museum of Modern Art as Late Capitalist Ritual: An Iconographic Analysis. *Marxist Perspectives*. New York, 1 (4), 28–51.
12. Gulag Online Virtual Museum Google Analytics 01.01.2020 — 30.06.2020. (The document is in the author's personal archive).
13. Gulag Online Virtual Museum. Gulag Online Virtual Museum Opens Its Gates. 10.06.2016. URL: https://gulag.cz/en/article/gulag-online-virtual-museum-opens-its-gates (mode of access: 25.10.2020).
14. Gulag Online Virtual Museum. URL: www.gulag.online (mode of access: 25.10.2020).
15. Hoffmann, D. (2002). Authentische Orte. *Gedenkstättenrundbrief,* 110, 3–17.
16. MacCannell, D. (1999). The Tourist. A New Theory of the Leisure Class. Berkeley: University of California Press.
17. MDR. Befreiung von Buchenwald: Stilles Gedenken in der Krise. 12.04.2020. URL: https://www.mdr.de/thueringen/mitte-west-thueringen/weimar/kz-buchenwald-befreiung-gedenken-mittelbau-dora-100.html (mode of access: 25.10.2020).
18. Nora, P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations,* 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory, 7–24.
19. Mauer-Gedenkstätte leidet unter Corona-Krise. 17.04.2020. URL: https://www.rbb24.de/kultur/thema/2020/coronavirus/beitraege_neu/2020/04/mauer-gedenkstaette-berlin-bernauer-strasse-leidet-corona-krise.html (mode of access: 25.10.2020).
20. Saupe, A. (2015). Authentizität. In *Docupedia*. 25.08.2015. URL: https://docupedia.de/ zg/Authentizit%C3%A4t_Version_3.0_Achim_Saupe (mode of access: 25.10.2020).
21. Wallach, A. (1992). The Museum of Modern Art: The Past's Future. *Journal of Design History,* 5 (3), 207–215.

Сведения об авторе

Бутейко Дарья Анатольевна, Dr. Designatus, научный сотрудник Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; научный сотрудник Берлинского университета им. Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Information about the author

Daria A. Buteiko, Dr. Designatus, Research Associate, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; Research Associate, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany